

УДК 94(470.5)“1922/1940”

ОРГАНЫ ГЛАВЛИТА И ЦЕНзуРА ЗРЕЛИЩ НА УРАЛЕ В 1922–1940 ГОДАХ

С. А. Дианов

Рассматривается деятельность органов Главлита в области контроля за репертуаром уральских театров, кино клубов, филармоний. Утверждается, что к концу 1930-х гг. контроль за зрелищами в индустриально развивающемся регионе не приобрел тотальные черты. В большинстве случаев работа цензоров в этой сфере подменялась простой фиксацией фактов, ведением статистики поставленных в районах пьес, организованных концертов и показов кинофильмов. Часть источников впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова: цензура, Главлит, Урал, уральские цензурные органы, зрелищные предприятия, цензурный контроль.

Историю советской цензуры в нашей стране стали изучать сравнительно недавно. После ликвидации в октябре 1991 г. Главлита – Главного управления по делам литературы и зрелищ – документы о деятельности его центрального аппарата и местных органов стали общедоступными. В отечественной историографии сложилось новое направление исследований – цензуроведение. В первых работах о Главлите подчеркивалась его «тоталитарная» сущность. Главлит характеризовался как орган «советской тотальной цензуры» [Горчева, 1992, с. 32]. В 1994 г. состоялась презентация книги А. В. Блюма, которая стала первой монографией, посвященной истории цензуры в СССР. Согласно А. В. Блюму, большевики создали институт «тотальной цензуры» – «одной из самых жесточайших, которые когда-либо знал мир» [Блюм, 1994, с. 82]. Этот подход оказал сильное воздействие на ученых, занимавшихся в то время изучением данной проблематики [Горяева, 2002].

Описывая деятельность органов Главлита, не все исследователи обращали внимание на такое ее направление, как цензура зрелищ. Только в 2000-е гг. усилиями Г. А. Бондаревой эта тема постулирована и развита в ее диссертации [Бондарева, 2003]. Г. А. Бондарева обозначила основные черты и особенности театрально-музыкальной цензуры зрелищ в 1920-е гг., а также рассмотрела цензурные практики в отношении эстрадного репертуара и кинематографа. Однако вскоре интерес исследователей к этой проблематике фактически угас. В последних трудах цензуроведов больше внимания было уделено организационным, хозяйственным и кадровым вопросам деятельности органов Главлита [Подлужная, 2007; Ярмолич, 2010]. В настоящей статье предпринята попытка продолжить исследование деятельности органов Главлита в области цензуры зрелищ на примере уральского региона в 1920–1930-е гг.

Цензура зрелищ на Урале в 1919–1922 гг. осуществлялась местными отделами Главполитпросвета. Осенью 1922 г. в губерниях Урала были образованы местные органы Главлита – гублиты. Первый гублит на Урале был учрежден 1 ноября 1922 г. в Челябинской губернии¹. Вслед за ним появились и другие губернские управления по делам литературы и издательств: Тюменский гублит – 20 ноября 1922 г., Пермский – 1 декабря 1922 г., Екатеринбургский – 30 декабря 1922 г. Деятельность гублитов некоторое время была автономной. Только 15 декабря 1922 г. при Екатеринбургском губОНО было создано Уральское областное управление по делам печати и зрелищ – Уралобллит. Это ведомство стало центром политической цензуры в регионе.

Приступив к цензурному контролю, гублиты уже зимой 1923 г. запрашивали Уралобллит о возможности передачи им полномочий по цензуре зрелищ. Так, тюменский цензор В. А. Чуканцев-Муромцев в январе 1923 г. писал: «Тюменский гублит находит более целесообразным объединить работу Гублита и надзора за зрелищами в одно так называемое цензурное управление, а также и экспертную комиссию по налогам на зрелища»².

После создания в феврале 1923 г. при Главлите Главреперткомполномочия по контролю за зрелищами были возложены на местные литы. В конце февраля 1923 г. Уралобллит подготовил первое «Руководство по цензуре зрелищ»³. Однако не все цензоры получили этот документ. Так, в апреле 1923 г. курганский уездный цензор А. З. Неупокоев просил Уралобллит разъяснить ему правила контроля за эстрадным репертуаром. «Необходимо руководство по выдаче разрешений на по-

становку танцулек, балетов и прочей халтуры, возникающей на почве НЭП и которая в корне противоречит сути нашего театра», – писал А. З. Неупокоев⁴.

Уралобллит в циркуляре № 338 от 4 мая 1923 г. призвал всех заведующих уездными ОНО, которые были наделены цензурными полномочиями в уезде, «немедленно приступить к выполнению возложенных обязанностей по контролю за репертуаром»⁵. В этом же циркуляре уездным цензорам вменялось в обязанность организация «волостных комиссий по надзору за репертуаром». Такая комиссия должна была состоять из нескольких должностных лиц: члена волостного исполкома, секретаря волостного комитета РКП (б) и председателя местного комитета Союза просвещения.

В июне 1923 г. начальник Уралобллита А. Д. Ослоновский, готовя отчетный доклад в Главлит, цензуре зрелищ посвятил целый раздел, назвав его «О репертуаре и контроле за ним». Начавшийся летний сезон в работе большинства уральских театров и филармоний А. Д. Ослоновский охарактеризовал как сложный. «Классического репертуара с закрытием зимних сезонов теперь нет, – писал цензор. – В преобладающем числе случаев репертуар был мещанского характера, состоящий преимущественно из пьес-фарсов, водевилей и одноактных пьесок Чуж-Чуженина»⁶. О культурном уровне гастролирующих трупп цензор был также невысокого мнения. Выступления большинства «артистической братии», по его оценке, носили «халтурнический» характер. Многие эстрадные номера «только ради моды и приличия» были поставлены в «духе пролетарской культуры». В г. Свердловске театр «Муха» беспрепятственно поставил несколько спектаклей, которые А. Д. Ослоновский охарактеризовал как «ужасающая водевилизация в стиле Ги де Мопассан». В итоге обллит принял «решительные меры» и запретил постановку половины репертуара «подобных» театров⁷. В целом за июнь 1923 г. в г. Свердловске и соседних районах Уралобллит подверг цензуре 153 постановки, из которых на 20 был наложен запрет.

Регламентировалась и деятельность частных кинопрокатных организаций. Все киноленты, показываемые «киноконторами», должны были иметь разрешающую визу ГРК. Перед организацией киносеанса и распространением афиш, билетов владелец «киноконторы» был обязан предъявить в местный орган цензуры целый пакет документов: заявление, удостоверение личности, «лицензию» на право принадлежности к кинопрокатной организации, договор между его организацией и Госкино, в котором указывалась норма проката. Если кинокартина была новой или имела заграничное происхождение, то к этому списку документов добавлялись еще лицензия Наркомвнешторга и специальный паспорт Главлита⁸.

Уралобллит направил на места 17 января 1924 г. «Инструкцию по контролю за репертуаром». В документе были собраны все предыдущие указания по реализации основных направлений в области организации контроля зрелищных предприятий. Так, цензоров призвали не отмечать все «буржуазное» и несоветское. «Необходимо из богатого наследства, оставленного нам буржуазией, выбирать все созданное веками общечеловеческой ценности, что нам полезно или по крайней мере безвредно, беспощадно отбрасывая в то же время хлам ярко выраженной враждебной нам идеологии», – говорилось в документе. Впервые вводилось деление зрителей на «нэпманские» и «рабоче-крестьянские» массы. Если первым разрешался просмотр пьес и опереток «пикантного мещанского» содержания («Змейка», «Испанская мушка», «Тайна Гарема», «Ночь любви»), то допуск вторых к подобному репертуару был категорически запрещен. Деятельность трупп артистов, курсирующих без визы окрестностей из города в город, объявлялась «халтурой», с которой необходимо было бороться. Исполнение пластических танцев по-прежнему определялось как «вульгарная пошлость», однако отдельные номера могли быть презентованы советскому зрителю. В пример приводились танцевальные номера петроградской студии Айседоры Дункан, в частности танец «Интернационал». «Бальные танцы на вечерах, спектаклях запрещать не следует, особенно молодежи, но нужно не давать злоупотреблять, так называемыми, танцульками...», – отмечалось в «Инструкции»⁹.

В феврале 1925 г. уральские цензоры получили очередную секретную директиву, в которой Главлит требовал не пропускать сценариев эстрадных номеров, содержащих пародии на партийную дискуссию «о Ленинизме и Троцкизме». Эстрада мгновенно реагировала на политические явления в жизни страны, и развернувшаяся внутрипартийная борьба на время стала популярной темой импровизаций. Несмотря на комичность, художественный вымысел подобных номеров, Главлит увидел в них угрозу компрометации коммунистической партии в глазах общества. «Так как партийная дискуссия, нашедшая место в партпечати и соответствующих выступлениях ответственных партийных работников, является серьезнейшим внутри партийным и теоретическим вопросом,

ГРК... предлагает как можно строже относиться к разрешению эстрадных номеров, в которых находилась бы освещенная (хотя бы в знаках) партдискуссия», – отмечалось в распоряжении Главлита¹⁰.

Весной 1925 г. внимание цензоров было приковано к предстоящему весенне-летнему репертуарному сезону. По данным Уралобллитта следовало ожидать большого «наплыва» гастрольных трупп из Москвы и других городов в сельскую местность. Особое беспокойство вызывал практиковавшийся многими труппами «разговорно-куплетный жанр». В циркуляре Уралобллитта № 7472 от 19 мая 1925 г. по этому поводу, в частности, говорилось: «В округах, заводских и сельских местностях эстрадники, в особенности сатирики-куплетисты, пользуются тем, чтобы протащить свой балаганный репертуар»¹¹. Уралобллит также располагал сведениями, что некоторые «куплетисты», скрывая запрещение цензурой своих номеров, переписывали заново их содержание, после чего представляли обновленный вариант в окрлит и получали разрешение. С целью борьбы с такого рода «авантюрой» цензорам предписывалось требовать от гастролеров программу выступления, имеющую разрешающую визу Уралобллитта. Кроме того, цензор должен был предупредить артиста об уголовной ответственности за подобный обман.

Эстрадный репертуар, включающий исполнение фокусов, «факирства» и гипнотических сеансов, наделялся эпитетами «большое зло», «умирающий» и т.п. Уралобллит в категоричной форме требовал от окрлитов не допускать на сцене такого рода выступлений. Аналогичный запрет был наложен на эстрадные номера с выступлениями борцов-тяжелоатлетов. В 1926 г. Уралобллит разработал новую форму для отчета по контролю за зрелищами. Осенью 1926 г. окрлитам было поручено произвести учет всех прошедших в округах художественных постановок. Полученные сведения сводились цензорами в специальную форму отчета.

Начальник окрлита Г. Новоселов направил райлитам 7 марта 1927 г. распоряжение Уралобллитта о переходе на новую систему отчетности. «В основу отчетности необходимо ввести текстовый доклад с упрощенными сводками по прилагаемой форме, – писал он. – При составлении текстового доклада давать больше фактических материалов, с коротким его пояснением, а если нужно и с заключением». Доклад предполагалось сдавать в окрлит три раза в год: к 4 января за сентябрь-декабрь, к 4 мая за январь-апрель и к 4 сентября за май-август. На основе поступающих из районов сведений окрлит комплектовал свои сводные текстовые доклады.

Мы имеем возможность проанализировать пять докладов уполномоченных шадринского окрлита за первый отчетный период, с января по апрель, 1927 г. В Камышловском районе уполномоченный С. Лисин в организационной части доклада признавал, что контроль за репертуаром фактически отсутствовал. «Репертуар заранее не утверждается, так как клубы не намечают определенных пьес или концертов, а представляют программу вечера от случая к случаю», – писал цензор¹². В результате разрешения выдавались им, как правило, за день до мероприятия.

Несколько лучше обстояло дело с театральными постановками. Из доклада Д. Ф. Валькова от 7 мая 1927 г. следует, что в Верх-Теченском районе было поставлено 9 пьес. Все без исключения прошли предварительный контроль у цензора. Пьесы «Взрыв Софийского Собора», «Василиса Мелентьева», «Подвох», «Пятеро» и «Дети Октября» были сыграны в местном клубе села Верхняя Теча. Пьесы «Подвода» и «Кирюшкина победа» были поставлены в клубах рабочей молодежи в селах Лобаново и Ангулово. «Случаев запрещения постановок не было», – отмечал Д. Ф. Вальков¹³. В Песчанском районе в пяти избах-читальнях прошли постановки 11 пьес. Пьесы «Коммунистка Вера» и «Невеста Маша» были сыграны по три-четыре раза. Качество исполнения не совсем устраивало уполномоченного С. П. Мансветова, который отмечал в своем докладе «слабую» подготовку местного актива к игре. В Белярском районе были показаны 25 пьес. Уполномоченный А. М. Кудрявцев обозначил примерную численность зрителей, посетивших спектакли, в 4300 чел. Представляется важным то, что ни один цензор не решился наложить запрет на какое-либо произведение. Все уполномоченные просили начальника окрлита Г. Новоселова прислать им «дополнительные» материалы по контролю за репертуаром. К лету 1927 г. участились случаи игнорирования установленного порядка предварительного контроля местными организациями культуры. Логичным представляется сделать вывод о том, что райуполномоченные выполняли в это время больше роль статистов, чем цензоров.

Шадринский окрлит предпринимал попытки навести порядок в подконтрольных организациях. Так, 15 мая 1927 г. Г. Новоселов направил в адрес дирекции шадринского городского театра письмо, в котором предупреждал о недопустимости постановок пьес и оперетт, не прошедших

предварительного контроля в окрлите¹⁴. А 19 октября 1927 г. он составил акт о нарушении цензурного законодательства управляющим городским театром Кирьяковым-Кастальским. Без разрешения окрлита тот допустил постановку на театральной сцене оперетты «Сильва», пьес «Овод» и «Жрица огня». «Очевидно думает и остальные вещи вести таким образом, – отмечал в акте окружной инспектор, – поэтому я считаю, что это есть неподчинение и нарушение директив вышестоящих органов и дискредитирование постановления Президиума Уралоблсполкома, а также нарушение циркуляра Уралобллита»¹⁵. Цензор просил окружной исполком Советов привлечь нарушителя к уголовной ответственности.

Уралобллит направил окрлитам 9 января 1929 г. циркуляр № 3/с, в котором обращал внимание цензоров на участвовавшие случаи нарушения цензурных норм авторами музыкальных произведений. «За последнее время замечено, что некоторые авторы музыкальных произведений, пользуясь недостаточной осторожностью со стороны местных органов Литы, обходят запрещение Главлита и печатают свои музыкальные произведения /романсы, фокстроты/ в других городах», – говорилось в циркуляре¹⁶. М. Р. Ланге призывал своих работников повысить бдительность и не выдавать разрешений на печатание музыкальных авторских изданий без заключения Уралобллита.

Надо отметить, что настойчивые требования Уралобллита строго придерживаться инструктивного материала подавляли у цензоров зачатки самостоятельности и приводили порой к слепому следованию инструкции. В Нижнем Тагиле имел место случай, который мы обозначили как «дело Жарковой». Начальник окрлита А. В. Жаркова, основываясь на циркуляре ГРК № 7065 от 20 ноября 1928 г. и прилагаемых к нему двух списках разрешенных и запрещенных кинолент, в конце ноября 1928 г. запретила демонстрацию в городских клубах кинокартин «Два дыма», «Старец Василий Грязнов», «Процесс о трех миллионах»¹⁷. Спустя некоторое время выяснилось, что в циркуляре ГРК была допущена опечатка. Были переставлены местами пункты «е» и «о». В результате получилась логически несвязная вещь: кинокартины, прошедшие в ГРК контроль и допущенные к демонстрации, оказались вдруг под запретом. В свою очередь, А. В. Жаркова не обратила внимание на нестыковки и руководствовалась текстом документа в буквальном смысле. В это же время указанные киноленты находились в клубах, администраторы которых уже оплатили их поставку. Назревал конфликт между цензором и кинопрокатчиками. И А. В. Жаркова 15 декабря 1928 г. в письме в Уралобллит просила М. Р. Ланге помочь разобраться в данной ситуации и объяснить ей как быть «с данным пунктом циркуляра ГРК». Однако с ответом начальник Уралобллита не спешил. В январе 1929 г. кинопрокатчики объявили себя «потерпевшей» стороной и подали на окрлит исковое заявление в суд с требованием возмещения понесенных убытков. 11 февраля 1929 г. городской суд удовлетворил иск и постановил: «Взыскать с Нижнетагильского Окрона в пользу Н. Тагильского отделения Союза кино 60 руб. 25 коп.». Вскоре сумма достигла 174 руб., так как с аналогичными исками к цензору обратились «другие организации». Не добившись поддержки Уралобллита, А. В. Жаркова уволилась из окрлита.

Принявший от нее дела К. Н. Стэнин, 14 февраля 1929 г. отправил в адрес Уралобллита письмо, в котором сделал заявление, что «Окромно не считает себя виновным и поэтому отказывается от уплаты денежных средств по предъявленным искам». Совместно с заведующей окромно Е. Чемодановой цензор предлагал М. Р. Ланге «договориться» с уральским отделением Совкино о повторной отправке кинолент в Нижний Тагил на безвозмездной основе. Такое решение, по убеждению К. Н. Стэнина, помогло бы «урегулировать вопрос»¹⁸. Ответ из Уралобллита пришел только 2 апреля 1929 г. В нем сообщалось, что Уралобллит в данной тяжбе занял сторону кинопрокатчиков, а отвечать по исковым заявлениям должен был окрлит. На этом история не закончилась. В поисках правды нижнетагильские цензоры обратились в Главлит. Ожидание ответа длилось около полугода. Очевидно, Главлит запросил информацию о перипетиях этого дела у руководителя Уралобллита. 21 ноября 1929 г. Уралобллит направил в Нижний Тагил новое письмо, копия которого была передана в Главлит. В письме М. Р. Ланге подтверждал правильность принятого им ранее решения. Начальник Уралобллита объяснял тагильским коллегам, что он не имеет права воспрепятствовать исполнению решения суда о взыскании убытков, причиненных «кинопредприятиям». «Принципиально же всякий работник ответственен за свою работу, и если по его вине принесен вред организации, то естественно он за это отвечает», – писал М. Р. Ланге. Кроме того, М. Р. Ланге обращал внимание на то, что циркуляр ГРК с «опечаткой» попал во все уральские окрлиты. «Но нигде его так не истолковали как т. Жаркова и никто так механически, несознательно не исполнял

его...», – резюмировал начальник Уралобллит¹⁹. Будучи по образованию юрист, М. Р. Ланге видел разрешение проблемы в ходатайстве перед «кассационными судебными инстанциями». Таким образом, тагильским цензорам предлагалось самостоятельно подать кассационную жалобу в суд и надеяться на положительное решение.

«Дело Жарковой» закончилось в конце 1929 г. Последнее слово осталось за президиумом нижнетагильского окрисполкома Советов, который постановил: «Предложить Окроно уплатить 174 руб. из бюджета 1929 г., а затем взыскать через суд указанную сумму с бывшего Окрлита Жарковой А. В». Финал этой истории является показателем психологической атмосферы, которая имела место в уральских цензурных органах. Косвенно вина лежала и на Уралобллите, который грозил ответственностью цензорам, отступившим от инструкции. Столкнувшись с конкретной ситуацией, Уралобллит предпочел занять самую удобную позицию, свалив всю вину на рядовых служащих.

В начале 1930-х гг. контроль за зрелищами продолжал осуществляться органами Главлита. Еще большей регламентации подверглась реклама зрелищных мероприятий. Усилия цензоров были направлены на искоренение «нездоровой» рекламы, «зачастую вводящей в заблуждение советского зрителя». В секретном циркуляре № 83/с от 10 июля 1932 г. Уралобллит потребовал от горрайлитов принять все меры для того, чтобы реклама зрелищ носила исключительно информационный характер. С этого времени на афишах и в анонсах спектаклей, представлений, эстрадных номеров запрещалось использовать по отношению к артистам такие эпитеты, как «всемирно известный», «знаменитый», «мировой», «известный исполнитель», «премьер гостеатров», «артист гостеатров», «после возвращения из-за границы» и т.д. В дополнение к этому циркуляр предписывал не допускать перепечаток в афишах «хвалебных рецензий» заграничной прессы. В других циркулярах Уралобллит настойчиво требовал сократить в районах объем выпускаемых театральных афиш, печатать их только на цветной бумаге определенного формата.

С середины осени 1932 г. в райгорлиты Уральской области стали поступать распоряжения Облрепертком – структурного подразделения Главрепертком. В письме райгорлитам от 3 декабря 1932 г. руководитель Облрепертком П. Н. Шмелев обращал внимание цензоров на правила контроля за музыкальными произведениями. Отсутствие музыкального образования у начальников райгорлитов предлагалось компенсировать привлечением к цензуре местных «политически проверенных музыкальных сил». Поэтому 15 мая 1933 г. в театральные учреждения Уральской области был направлен специальный циркуляр Облрепертком, в котором подчеркивалось, что «прием спектакля должен проводить инспектор Лита с привлечением заинтересованных лиц»²⁰. Вновь зашла речь о создании при цензоре «репертуарных комиссий».

П. Н. Шмелев констатировал 14 февраля 1933 г. факт непредставления большинством райгорлитов отчетных материалов по контролю за репертуаром. Как и Уралобллит, Облрепертком грозил цензорам партийной и административной ответственностью за «торможение» в работе. К этому вопросу пришлось вернуться через два месяца. В циркуляре от 21 мая 1933 г. Облрепертком потребовал от райгорлитов представлять отчет о состоянии цензуры зрелищ не позднее десятого числа каждого месяца. С этой целью на места было направлено «Инструктивное письмо об организации проверки музыкально-эстрадного репертуара в районах». Уральским цензорам рекомендовалось усилить контроль за выступлениями эстрадных исполнителей. «Мы имеем факты, – говорилось в документе, – когда вполне приемлемый текст поется на негодную музыку и больше того – берется определенная музыка опереточно-шантанного характера и к ней поддельваются слова о смене, о колхозе, о строительстве». Райлитам указывалось на полезность создания в районе «актива товарищей», которые бы оказывали компетентную помощь им в осуществлении цензуры эстрадного репертуара. В обращении «Ко всем райлитам» от 12 июня 1933 г. Облрепертком приводил факты свободного «оперирования» по территории области различных исполнителей-одиночек, бродячих трупп, концертных бригад, репертуар которых не был визирован органами цензуры. Приводились конкретные примеры. Так, в Куртамышском районе артист «восточных цирков» Валя Гурков демонстрировал местному населению прыжки «с 8-ми аршинной башни» и «хождение с самоваром на голове»²¹. Отмечая «безыдейность» подобных номеров, Облрепертком требовал от цензоров не допускать к работе «всякие приезжающие бригады». В другом циркуляре от 12 июня 1933 г. Облрепертком извещал райлиты о снятии с экранов кинофильмов «Конец журавлики», «Пятилетка в четыре года», «Заем решающих побед», «Неоплаченное письмо» и т.д. В это же время постановлениями Главрепертком был наложен запрет на демонстрацию таких кинолент, как «Банда батьки

Кньша», «Ваша знакомая», «Лодырь», «Язык стен», «Шестьдесят миллионов», «Великий путь».

К посевной и уборочной кампании 1933 г. Облрепертком подготовил списки музыкального репертуара. К исполнению музыкальным коллективам были предложены следующие произведения: сборник «Полевые песни» (М. В. Коваль), песни «Колхозная массовая» и «Дорогу трактору в кишлак» (Д. С. Васильев-Буглай), «Колхозная посевная» (Н. Чаплыгин), «Тракторист» (Г. Камалединов) и др. «Кроме указанного репертуара рекомендуем использовать массовые песни (листочки с текстом и нотами) и другие произведения советских композиторов», – наставлял Облрепертком работников районной цензуры. В списке кинокартин, рекомендованных Облреперткомом к просмотру трудящимися, отметим такие как «Земля жаждет» (реж. Ю. Райзман), «Токарь Алексеев» (реж. В. Шестаков), «Старое и новое» (С. Эйзенштейн), «Бессарабская коммуна» (реж. М. Капчинский), «Человек с орденом» (реж. Амо Бек-Назаров). В этих кинолентах центральной темой был созидательный труд советского человека, преодолевающего все препятствия.

СНК РСФСР принял 26 февраля 1934 г. постановление о передаче функции цензуры всех видов зрелищ от Главлита Главреперткому (ГУРК) и его местным отделам²². Свердловобллит в приказе № 38 от 19 мая 1934 г. объявил о начале проведения мероприятий по передаче цензуры зрелищ уполномоченным Облреперткомом. «Всем начальникам райлитов предлагается сосредоточить центр внимания в своей работе по контролю за печатью, радиовещанием, выставками, картинами, художественной и скульптурной продукцией», – говорилось в приказе. Уралоблрепертком был реорганизован в Свердловский облрепертком. В Челябинской области облрепертком был образован только в 1935 г. Первые указания по формированию аппарата его уполномоченных были даны не ранее осени 1935 г. Вместе с тем утверждать, что уральские цензоры после 1934 г. выпали из системы контроля за зрелищами, было бы преждевременным.

Во второй половине 1930-х гг. уральские цензоры продолжали выполнять поручения облреперткомов по осуществлению цензуры зрелищ. В сентябре 1937 г. начальник курганского райлита В. Я. Петряков в письме в Челябинобллит отмечал, что препятствием в работе по контролю за зрелищами является отсутствие репертуарных указателей. В отчетных докладах Пермского обллита за 1939–1940 гг., в частности, указывалось, что «наряду с основной работой уполномоченные обллита в районах осуществляют контроль над зрелищными предприятиями». Начальник обллита М. Н. Пермякова подчеркивала, что объем работы по зрелищам увеличился во много раз. На призыв Молотовского облреперткома обеспечить контроль за всеми постановками М. Н. Пермякова отвечала: «Это физически невозможно!»²³. По данным пермской цензуры только в Кизеловском районе имелись драматический театр и около 40 любительских драмкружков по клубам. Организовать постоянный контроль за их репертуаром начальник райлита был не в состоянии. «Аналогичное положение и в других районах области», – писала М. Н. Пермякова. Заметим, что своих райуполномоченных Молотовский облрепертком не имел. Остается предположить, что это было связано с отсутствием необходимого объема финансирования.

В Нижнем Тагиле аппарат горлита также привлекался Свердловским облреперткомом к цензуре зрелищ. Тагильские цензоры регулярно просматривали репертуар городского драматического театра, клубов, кинопрокатных предприятий. «Проверяется качество показа кинокартин и во время сеансов, – отмечал начальник горлита И. Тулакин. – Во время сеанса кинокартины “Большая жизнь” обнаружено цензором вмешательство в звуковую часть картины местного радиовещания. В период речи тов. Орджоникидзе заглушается речью Тагильского диктора о сборе утиля»²⁴. Цензор подчеркнул, что только при его своевременном «вмешательстве» выявленные нарушения были устранены. С июля по начало сентября 1940 г. горлит выдал разрешение на постановку 6 пьес и проведение 13 концертов на сцене драмтеатра.

Таким образом, уральские органы Главлита выполняли задачи по цензуре зрелищ в 1923–1940 гг. Объектом контроля являлся репертуар как советских учреждений (театры, филармонии, киноклубы, музыкальные заведения), так и гастролирующих трупп и отдельных артистов. Анализ инструктивного материала по цензуре зрелищ позволяет сделать вывод о том, что, следуя распоряжениям Главлита и Главреперткома, Уралобллит стремился охватить предварительным контролем все возможные проявления творческой мысли в области зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров. В большинстве случаев работа по контролю над репертуаром подменялась простой фиксацией фактов, ведением статистики поставленных в районе пьес, организованных концертов и показанных кинофильмов.

Не каждый цензор мог распознать уловки, к которым прибегали артисты, преследуя цель обойти существующие запреты. Большие хлопоты цензорам доставляли разборки с подконтрольными организациями – администраторами театров, кинопрокатных контор. Составлялись акты, ходатайства в местные исполкомы Советов о привлечении нарушителей к уголовной ответственности. Не всегда, однако, местные власти удовлетворяли ходатайства цензоров. «Дело Жарковой» показало, что одна ошибка могла не только стоить цензору занимаемой должности, но и обернуться судебными тяжбами и материальными затратами. Развитие сети культурных заведений на Урале в 1930-е гг. привело к тому, что органы Главлита не справлялись с задачами, связанными с цензурой зрелищ. Появление новой структуры – областных реперткомов и их уполномоченных – не привело к разгрузке в работе служащих Главлита. На рубеже 1930 и 1940-х гг. уральские цензоры продолжали вести работу по контролю за репертуаром. Цензурный контроль за зрелищами в индустриально развивающемся регионе так и не приобрел тотальные черты.

Примечания

¹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

² ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 547. Л. 14.

³ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁴ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 198. Л. 14об.

⁵ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

⁶ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

⁹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 75об.

¹⁰ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 157.

¹² ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 47. Л. 38.

¹³ Там же. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 58.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 23.

¹⁶ ГУ «Государственный Архив в г. Иrbите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 7. Л. 54.

¹⁷ МУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1038. Л. 62.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 1112. Л. 6.

²⁰ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 28.

²¹ Там же. Л. 9.

²² СУ РСФСР. 1934. № 10. Ст. 66.

²³ ГАПК. Р-1156. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 11.

Библиографический список

Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994.

Бондарева Г. А. Советская цензура зрелищ в период Новой экономической политики (1921–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Горчева А. Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестн. МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 2.

Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002.

Подлужная А. М. Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007.

Ярмолич Ф. К. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922 – 1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук СПб., 2010.

Дата поступления рукописи в редакцию 16.09.2011